

Федор Николаевич Глинка

Бог - Или

Не сокрушайся, мой пророк!
На все есть час, на все есть срок;
Пускай, кичась, растет порок:
Будь зло добру в *святой* урок!..
Но не грусти! Твой господин
Здесь не совсем еще один:
Не все пошли к Ваалу в сети!
Есть *тайные* у Бога дети,
Есть тайный фимиам сердец,
Который обонять мне сладко!..
Они бегут ко мне украдкой,
И я являюсь втайне к ним;
И их лелею, просветляю
Высоким, истинным, святым!

1826 или 1827

Илия - Богу

Мы ждем и не дождемся сроков
Сей бедственной с *нечестьем* при:
Твоих зарезали пророков,
Твои разбили алтари!..
Проснись, Бог сил, заговори!
Нет места для Твоей святыни,
И я теперь, жилец пустыни,
Я плачу пред Тобой один!..
А Ты им терпишь, Властелин
Земли, морей и облаков!
Ты терпишь *от Своих рабов!!!*

1826 или 1827

Иов

*Свободное подражание
священной книге Иова*

Что наша жизнь?— Тревожный сон,
Борьба и тяжкая работа!
Как раб, боящийся лозы,
Влача свой плуг под ярким зноем,
Всё рвется, чтоб укрыться в тень,
Всё смотрит — скоро ль долгий день
Завечереет, скоро ль отдых?
Так дни и месяцы текут
Моей многострадальной жизни!..
Всё тело рушится мое:
То вдруг его облягут раны,
То заживут. . . И вдруг опять
Моя растрескается кожа

И, гноем накипев, болит...

Жизнь, смерть, день, ночь... всё стало смутно.
Сомкну ли ночью я глаза
(Страдальцу ночь долга, как вечность!),
Я пробужусь и говорю:
Когда ж рассвет? Ах, скоро ль утро?!
Приходит утро – я опять,
Вздыхая, вопию: где ж вечер?!
Мое всё тело – струп и струп,
И я – седой, стнящий труп!!!
Как ссохлась, пригорела кожа!..
Увы, мои былые дни
Мелькнули, будто в зыбких красках:
Мелькает нить за челноком. ..
Промчалась жизнь скорей беседы
И стала мимолетным сном.. .
О, горе! Всё невозвратно!
Прошла пора моих надежд! ..
Земных отрад, земного счастья
Уж не видать мне и в мечте!
Как облак дымчатый редеет
И исчезает в высоте,
Так я исчезну! Бездна ада
Не выдает своих, увы!
Оттоль не выйдешь в дом родимый,
Ни вести к ближним не пошлешь!
Уйду – и без меня застынет
Мое и место на земле!!.
Итак, доколь еще язык мой
В устах вращается, друзья,
Я буду, буду всё, с тоскою,
Всё непрерывно изливать
Всю ярость беспредельной скорбя:
Скажу и выскажу векам,
И поздним донесу народам,
Что совершалось здесь со мной,
Как мучили меня в пустыне!..
Что – я?.. Речной ли крокодил,
Иль гневная пучина моря,
Что так плотиной обложен,
Так связан, заперт и стеснен?!
Когда прошу: дай мне отраду,
Дай видеть счастье хоть во сне, –
Далеко дикою мечтою
Ты сон мой отгоняешь прочь...
То окружен я пустотою,
То черная, в пустыне, ночь
Полна страшилищ: вот их очи
Огнем неистовым горят,
Они в меня вонзают взоры;

То реки с клокотом шипят,
То с грохотом валятся горы —
Всё на меня!! Я весь разбит,
Изломан, раздроблен, убит;
Мое от страха сердце жметя,
И весь я — как под бурей трость;
И слышу — всё во мне трясется,
И ударяет кость о кость...
Почто ж томить?.. Вели скорее
Меня изгладить из живых
И душу свободить от духа,
От смерти кости свободить!
О! что есть человек, сын персти,
Что ты так чествуешь его,
И с непонятною заботой
О нем радеешь и болишь,
И в дивных утренних виденьях
Ему о тайном говоришь?..
За что ж меня терзать? И долго ль
Мне ропотным и скорбным быть?
Пусть я грешу,— но что я значу
Перед тобою, страж людей?
Зачем сражать меня стрелами,
Негодовать, как на врага?
Что б не помиловать страдальца,
Не снять бы всех его грехов —
Из жалости к сей бедной жизни!!!
Ведь, может, завтра же придут,
Меня поищут... и напрасно!
Страдальца боле не найдут!..
Между 1826 и 1834

Из пророка Малахии

«Я вас любил», — сказал Предвечный,
А вы сказали: «В чем любил?»
А разве Я не отделил
Судьбы Иакова от брата?
Исава Я не возлюбил,
И Мой Израиль, Мой Иаков
Мной познан, избран, воспоен!
Пускай безумство идумеян
Влечет их к праздной похвальбе!
Пусть говорят: «Мы разорились,
Нас обездомила война:
Но мы пойдем, построим дома,
И грады жизнью закипят,
И возрастут оградны стены».
Мечтайте, стройте! Я приду
И с корнем вырву ваши зданья,
Разрушу дома, стены и:

«Тут были грады, шум, движенье,
Но гневный Бог провел перстом,
И сгладил все!»... Так скажут люди
Иных племен позднейших лет! —
О, заблужденный Мой Израиль!
Смотри: отца не чтит ли сын,
И не боится ль господина
Его велениям верный раб? —
Ты сын ли Мне? — С любовью детской,
Почто ж не чествуешь Меня?
Ты раб Мой? Так Меня почто же
Как Господина не блажишь?..

1823

Любовь к источнику любви

Моя душа летит, летит,
И сердце в упоеньи тает,
Земное все, как ночь, бежит;
Мне утро свыше разсветает!
Я зрю... Уже ли это сон? —
Но нет! там блещет жизнь и радость.
Оттоль рекою в душу сладость:
Мой дух послышал... это — Он!
Нет, никогда ничье сиянье,
Ни слава, ни земная честь,
Ни ласки дружества, ни лесть,
Ни девы пылкое лобзанье
Так в душу не бежали мне:
Я и пылаю и немею;
К Нему с земли душой летя:
Не так ли доброе дитя,
К родному кинувшись на шею,
Его руками ухватя,
Висит меж небом и землею?

1823

Христианину

Христианин! не скучай!
Тайны неба изучай!
Душу Богу поручай,
И, с сердечной верой, чай
От Него великих благ;
Но гляди, чтоб, невзначай,
Не подкрался хитрый враг!
Сердце в правде укрепи!
Сушь душевныя степи
Чаще слез дождем кропи.
Верь: один сердечный вздох

Высоко оценит Бог.
Жизни скользкия тропы
К бездне свел туманный рок:
Уж созрел земной порок!
Уж готов широкий ток,
И положены снопы,
И приподняты цепи,
Знак готова дать судьба,
И начнется молотьба.
Уж не будет новый сев,
Но повеет судный гнев:
Полновесное зерно
Упадет на центр одно.
Все ж, что гнило и легко,
Разлетится далеко!..
Время кратко не губи:
Будь смирен, трудись, люби!
В дом молитвы учащай,
Дом убогих навещай,
Всем добро твори — и знай,
Бросив в сторону унылость,
Что Всезрящий, страшный Бог
На суде хоть прав и строг,
Но у Бога — есть и милость.

1823

Радость о Боге

Твоею благостию, Боже!
Могу ль не восхищаться я? —
Святая благодать Твоя
Мне всех богатств, всех благ дороже.
В душе мне стало так тепло,
И мнилось, сердце растворилось,
Как будто солнце в грудь вошло;
И все во мне, как день, светилось.
Тиха была моя глава;
В ней волны мыслей улеглись,
И грусти жизни пронеслися,
Как мимолетная молва.
Досель, как цвет под глыбой снежной,
В прискорбном хладе я лежал;
Но Ты на свет меня воззвал,
И я — спокойный, безмятежный,
Стою, как лавр, в тиши долин.
Они прошли, как миг, как тени,
Ряды веков и поколений,
Но не проходишь Ты один!
Не сироти ж земных нас, Боже,
Не отнимай у нас — Себя!

Я знаю: всех блаженств дороже
Тобою жить, любить Тебя!

1824

Псалом 40

Я суд неложный полюбил;
Душей сдружился с правотою,
Сам Бог в меня Свой страх вложил,
С любовью к истине святою.
О, поддержи меня, мой Бог!
Среди пороков и тревог. —
Сыны греха! Сыны разврата!
Почто, в сердечной слепоте,
Так жадно ищите вы злата,
И потонули в суете?
Что так коварны вы и ложны?
Исправьтесь, будьте осторожны, —
За вами Божий глаз блюдет:
Подайтесь же Ему с смиреньем,
И в тайне ночи, с умиленьем,
Пусть всякий жизнь свою пройдет!
Так! Будьте чисты перед Богом
И уповайте на Него!
Безумцы тяготятся долгом
Хранит веления Его
И рассуждают: За терпенье
Чем может нас Он наградить?
Но мы отбросим это мненье:
Награда — Истину любить!
На нас лице Его святое
Глядит, как солнце золотое!
Мою Он душу отогрел,
Во мне все весело и стройно!
И я усну, при Нем, спокойно
Под тучей вредоносных стрел!

1824

Воззвание

*Внуши, Боже, молитву мою.
Псалом 54*

Куда Ты, Господи! Пстой!
Внемли!.. Уж силы ослабели!
Как мать к младенчьей колыбели,
Склони ко мне Свой лик святой!
Я притеснен, Отец! я плачу,
От слез больна моя глава;
Шумит враждебная молва...
Куда я трепет сердца спрячу?
В костях и в жилах смертный дрожь! —
И надо мной на тонкой волос

Повешен острожальный нож!
Бежать! Куда? — Я сын безсилья,
Едва стопы мои влачу:
Кто даст мне голубицы крылья,
Да я в пустыню улечу! —
И поживу в глухом покое:
Там ничего в груди не ноет...
Воззри! насилье в городах;
Живут на улицах обманы;
Вгнездились распри в их домах:
Друг другу скорбь, друг другу раны!..
Меня же не враг мой уязвил,
Я б уклонился от злодея...
Он друг, он я второй мне был!
Пред ним скрываться не умея,
Я с ним все мысли пополам —
И он — пронзил мне грудь он сам!..
Но чей там рано, пред зарею,
Плачевный, горький слышен глас?
Кто вопит в полудневный час?
И поздней вечера порою
Кто стонет на пустых местах?
То я стену! то я в слезах,
Как призрак, как мертвец, скитаюсь,
И Бога стоном я зову!
И часто, мнится, с Ним встречаюсь,
И в прах пред Ним мою главу,
И говорю: помилуй, Боже!
Они так злятся на меня,
То угрожая, то маня.
«О, малOVER! тебя тревожит
Твоих ловителей гроза:
Но над тобой Мои глаза!
Я зрю их в замыслах незримых,
Я усмирю неусмиримых!»
Ах, Господи! у них уста
Нежней душистаго элея,
Но в них вгнездилась клевета,
Их сердце василиска злея!
И слышно мне: «Сдержи свой стон,
На Господа возверзи бремя:
Он милуя казнит на время,
И Сам Своих защитник Он!»
Я верю, и спокоен я!
Ты Сам стрежешь пути лукавых;
Ты гасишь блеск их ложной славы,
А надо мной рука Твоя!..

Мое прибежище

Ты вновь со мной — мои печали,
Моя глубокая тоска,
С души воскресшей убежали,
Как от лазури облака!
Моя любовь, веселье, радость,
Мое богатство — все мое;
Ты мне милей, чем жизнь, чем младость!.
Когда небесное Твое
Лице мне ласкою сияет,
Моя душа, как мир, полна,
И нерва каждая играет
Во мне, как вещая струна!
Все горькое земной работы,
Вся грустной жизни сей печаль
Не существует. — Я, как сталь,
С узором яркой позолоты,
Вдруг становлюсь и тверд и чист!
Пускай на понт налягут бури,
В лесах раздастся яркий свист,
Будь небо грустно без лазури!
Он погружается на дно,
Сын вод, жилец пучин спокойный,
И под поверхностью нестройной
Ему убежище дано!
И я тревог не ужасаюсь,
Когда незримый Ты со мной,
И я, охваченный тоской,
В Твои объятия кидаюсь!

1824

Уразумение

Теперь, теперь я разумею
Твои великия дела,
И... то, в безмолвии, немею,
То, вдруг, кипящая хвала
Летит из уст моих, как буря,
И слезы градом из очей.
Есть много звезд, в полях лазуря,
Горящих в тишине ночей;
Но благодарных чувствий боле
В душе волнуемой моей!
Как в дни весны прекрасной поле
Благоухает от цветов,
Блистая радугой и златом,
Так горняя Твоя любовь
Незримо веет ароматом,
Привеянным с полей небес
К моей душе... Как темный лес,

Златимый вечера закатом,
В таинственном сияньи тих:
Так стало все теперь спокойно,
И усладительно и стройно,
И в чувствах и в очах моих!

1824

Ответ пророков

1

Растут и высятся пороки,
Везде страстей победный клич.
Куда ж девались вы, пророки!
Где ваш огнепалящий бич?!

2

Мы говорим, но нам не внемлют,
Лелеяся в своих мечтах:
Над пропастью бездонной дремлют,
Иль буйно пляшут на гробах!!!

Созерцание

*Всегда вижу пред собою Господа: Он одесную меня;
не поколеблюсь. Посему радуется сердце мое.*

Псалом 15

О, радость! О, радость!
Что сердце горит?
Что дивная сладость
Так в душу бежит?!
Затихла земная тревога:
Я весел, как гость, приглашенный на пир:
Мне веет блаженством божественный мир;
О радость! Я вижу, я чувствую Бога!
Далекое близко... Незримое здесь!..
Дивлюсь и молюсь и смиряюсь,
Любовью проникнутый весь,
Я весь в созерцаньи теряюсь!..
Какой-то небесный, таинственный свет,
Порой, на меня набегают:
То взор Его сладкий, то сладкий привет;
Он душу целит и пронзает! —
Нет, не пойду к земным богам,
Когда небесный Бог со мною:
Пред Ним я таю, млею, ною,

Пред Ним себя не помню сам!
Не удаляйся ж, Боже вечный!
Не удаляйся от меня!
Тебя зовет мой стон сердечный,
Тебя зовет душа моя.
Кружимый жизни суетою,
Без мира в мире, сиротою
Я долго без Тебя блуждал,
И долго страсти раздувал
Порок в душе моей несчастной;
Мой добрый ангел плакал часто,
А демон часто хохотал!!!

Комета

«Полетай, комета,
Новая звезда!
И гори пожаром
Между старых звезд.

Заслони полнеба
Огненной брадой!
Кинь на звезды хвост свой
В триста тысяч миль!

Посмотри на землю,
На ея жильцов:
Лучше ль стали люди?
Меньше ль там грехов?»

«Видела я землю,
Видела людей...»
«Что ж? Боятся ль люди?
Напугала ль их?»

«Да легко пугать их!!
Старое прошло,
Ныне стали умны
Люди на земле.

Детство золотое
Отцвело давно,
Счастье бывшее
Кануло на дно!

Мудрость — знали дети,
Буйных водит ум;
Он завел их в сети
И в тревоги дум.

Нет уж Веры кроткой
В мертвецах живых,
И любовь, сироткой
Плачется на них!

Очерствели души,
Жестоки сердца,
И не слышат уши
Голоса Отца!

Грозен говор моря,
Ропот под землей!
Страшно пухнут реки,
Тают города!

Но никто не смотрит
На разгар грозы,
И не чует Божьей
Над собой лозы!!

Разве вечной ночи
Их проглотит тьма!
Там откроют очи
Выродки ума!

Два состояния

1

Душа томна,
Душа полна
Невыразимой мукой;
Всегда одна,
Мрачна, больна
Неотразимой скукой.

Почто ж она
И так хладна,
И так темна,
Как в дебрях дикая пещера?
Ее своим
Лучем святым
Не озаряет Вера!!!

2

Душа играет, веселится,
Как юный агнец средь полей:
Везде родство, к ней все теснится,
И тайный мир открылся ей.

Вот крылья ангелов златая —
С них жизни сеется роса,
И часто с ласкою святые
Ей говорят про небеса...
Все жизнь и цвет: скалы, пещеры
Блещат как царственный чертог!
Что ж случилось с ней? Блаженство Веры
Открыл ей благодатный Бог!

Взгляд на высоту

Сколько жизни, сколько света
В небесах Твоих святых;
Сколько радостей заветных
Утаил Ты, Боже! в них!..

Сколько звуков, сколько песен
Раздается в высоте!
Сколько силы, сколько стражей
У. преддверия небес!

Миллионы, триллионы
Бриллиантовых светил
Идут, движутся, кружатся
По размеренным путям.

Боже, Боже! все послушно,
Все покорствуется Тебе;
Лишь один живет ослушно
В душевной ссылке на земле.

Он не смотрит, он не видит
Бриллиантовых светил,
Он сидит в своих затворах
При светильниках земных!

Он зарылся, погрузился
В мелком жизненном быту,
Весь в работах, весь в расчетах,
И забыл про высоту.

И скитается, как странник,
Царь, назначенный земле,
Как безродный, как изгнанник,
С темной думой на челе.

Спасителю

Ведь это Ты! Ведь это Ты,
Своим чудотворящим словом,
Меня извлек из тесноты,
Меня облек Своим покровом! —

Ведь это Ты! Ведь это Ты,
Среди мятежного волненья,
Среди тревог и суеты,
И с жизнью страшного боренья,
Когда увяли все цветы,
И, из-под них, торчали тернья,
В часы душевной пустоты,
Когда летели прочь мечты,
И я стоял без вдохновенья,
Как горный ключ, объятый льдом,
Своим живительным огнем
И тайной силой дуновенья,
Влил в душу счастье теплоты, —
Ведь это Ты! Ведь это Ты!

Ведь это Ты Своей рукою
Меня на круче удержал,
Когда над бурною рекою,
Дитя беспечный, я дремал;
А змеи крались из-под кручи,
А волки зводили вой;
Прорезав черный бархат тучи,
Перун шипел над головой.
Кругом, таясь, ходил ловитель,
И я дрожал от темноты...
Но дал мне знак, мой стал водитель, —
Ведь это Ты! Ведь это Ты!

Ведь это Ты! Ведь это Ты
Открыл душе смущенной очи,
Когда виденья и мечты
И призраки — отродья ночи —
Обсели страшные кругом,
Меня дразнили и пугали,
И ближе, ближе все стесняли,
Как град, обставленный врагом...
И видя их несметны рати,
Не ждал я света благодати,
Боясь глядеть на высоты,
И, молча, я молился с жаром —
Но Кто, задрезав ударом,
Рассеял страхи и мечты?
Меня обвел отрадным светом,
Покрыв рукою как наметом?..

Ведь это Ты! Ведь это Ты!

О, будь же вечно надо мною
Твоя высокая любовь!
И я смелей, тропой земною,
Протиснусь сквозь толпы врагов!
На веру сердце опирая,
И все глядя на высоты,
Чрез сеть, чрез лов, чрез смерть шагая,
Скажу: «Ведешь меня, спасая,
Ведь это Ты! Ведь это Ты!»

Усмиренная гроза

«Он над слезами насмеется,
Молений не услышит Он,
И, из души пронзенной, стон
Пустынным вихрем разнесется!»

Так говорил в печали я,
Когда душа от скорби млела,
А красная, в выси, струя
На темной синеве горела
И рылась в тучах, как змия...

Но только сердце растворилось,
Но только брызнула слеза,
В выси мгновенно прояснилось,
Затихли бури и гроза!..

О! как велик Ты, Безконечный!
Ты ценишь каждую слезу!
Одна молитва... вздох сердечный
И Ты смирил Свою грозу!..

Моя судьба

Я вдруг услышал — где-то звуки
Несутся по водам;
Меня схватили чьи-то руки,
И взбросили к звездам!

И я летел, летел, как слово
Летит из наших уст;
Как все там чудно, как все ново!..
И был тот край не пуст!

Я сердцем близок был к незримым,
Летел к их голосам;

И, в счастья невыразимом,
Привыкнул к небесам.

Вдруг сердце грустью заболело,
Блаженство протекло;
Меня мое земное тело
На землю увлекло!..

И я со стоном пробудился,
Не зная, что начать:
Жить по-земному разучился,
А неба не достать!!!

Желание

Ах! если б я, хоть у порога,
При тихой вечности сидел:
Я все б, хоть издали, на Бога
В Его величии глядел.
Я там увидел бы, как веки
Проходят стройной чередой,
И с сладким шумом льются реки
Живою, сладкою водой.
Оттоль увидел бы, как царства
Горят страстей земных в огне,
Как бьются правда и коварства
В наземной нашей стороне.
И попросил бы я Святаго,
Иль добрых ангелов небес,
За скорбь страдания земнаго,
За столько горьких, жарких слез,
Меня ввести в пределы рая,
Чтоб раем мне хоть раздохнуть,
И, от восторгов замирая,
Вблизи на Господа взглянуть!!!

Ангелу-Хранителю

Зачем слезой блестят, подчас,
Твои лазоревый очи?
Ах! ты не любишь нашей ночи,
Гостить не любишь ты у нас!
И ты грустишь, невольный житель,
В густом тумане наших стран;
Но, добрый Ангел мой Хранитель,
Ты на земле не праздный житель: —
Слепцу в вожатые ты дан! —
Мне страшен край туманно-бурный,
И я люблю твой щит лазурный,
Твое румяное крыло:

Под ним душе моей тепло...
Как сердцу от тебя светло!..
Что ж делать, житель стран лазурных?
Ты вынул сам из тайной урны,
Прощаясь с милой вышиной,
Убогий жребий мой печальный —
Он был наш перстень обручальный,
И ты живешь, с тех пор, со мной!..
Побудь еще здесь, Утешитель!
Над бездной жизни путь бежит
И зорко враг нас сторожит:
Не покидай меня Хранитель!

Сомнение и милость

«Когда промчатся веки, веки,
И из моих угаснувших очес
Прольются реки, реки, реки
Неудержимых, жарких слез,
Я и тогда не вымолю прощенья
У Судии верховного судей». —

Так строгость Господа, по строгости людей,
Я мерял в слепоте земного заблужденья.

Но безпредельная, небесная любовь
На вопль раскаянья склонилась,
Дохнула милостью — и где следы грехов?
Душа, изрытая проказой, обновилась.
И прояснел мой томный дух,
Как утро из туманной ночи:
Миров гармония бежит в мой слух,
И дивныя виденья видят очи...
О, мчитесь веки, веки, веки,
И, из моих сияющих очес,
Прольются реки, реки, реки,
Сердечных, благодарных слез.
Но все я не найду ни слов, ни выраженья,
Чтоб изъяснить души моей движенья.
Я все остануся пред Господом моим
Благоговеющим, блаженным... и немым!..

Пробудная песнь

Я вижу ангелов — прекрасно
Разоблачились небеса:
Они живут, поют согласно
Вселенной быть и чудеса
Неизмеримаго созданья. —

Как древния времен преданья,
Светло и ярко — голоса
В разливах света раздаются,
И радуют миров Творца,
И, низходя все глуше, льются
В наземный и подземный хлад:
Шумит, проснулся буйный ад
И звонко демоны смеются:
Их слух песнь неба щекотит;
Но гордый ум не понимает,
Что небо сердцу говорит.
Он, несмягченный, ожидает,
Доколь разгромно затрещит
Труба суда — и небо грозно!
Тогда опомнятся... но поздно!

Отрадная капля

Вблизи большой дороги,
Ведущей в свет большой,
Усталый от тревоги,
Ни мертвый, ни живой,
Как воин усталой
Близ поля жаркой битвы,
Склонясь на длань главой,
Без слез и без молитвы,
Я ропотный грустил:
Душа просила хлеба...
Напрасно у неба
Отрад себе молил:
Чернили небо тучи,
И дикий пламень жгучий
Мне грудь, как степь, палил;
Вдруг близость неземного
Я, скорбный, ощутил...
Гость с неба голубаго —
То Ангел добрый был! —
И вот с крыла златаго
Он каплю уронил.
Была то капля жизни,
Роса с небесных роз,
Знать, Ангел из отчизны
С собой ее занес...
И сердце, что грустило,
Ту каплю поглотило...
И вот все тихо в нем:
И пышно засветило
Небесное в земном!..

Минуты просветления

Так, верю я в минуты просветленья:
Нечаянно, приходит в душу свет
(Откуда?.. На то ответа нет!)
И видим мы весь мир, все вещи ясно...
Прошедшее как будто бы вчера,
И будущность с себя покров снимает,
И близко все далекое пред нами,
И тайное нам явно и светло!..
У центра мы стоим в великом круге,
И видны нам: течение веков,
Борьба страстей и жребии народов,
И пропасти, куда ведут людей
Невежество, разврат и злые нравы.
О, как тут хочется, возвыся глас,
Воскликнуть всем: *Куда? по стойте, братья;
Ваш не по тем волнам скользит корабль,
Вас не туда ведут пути коварны!
Опомнитесь! всмотритесь ближе в жизнь!
Изведайте сердца свои, познайте
Предназначение – условия жизни,
Потребности земного бытия!
На что сей блеск? К чему сие круженье?
И сей разврат пленительно-обманный?
И отпадение от благ природы,
От простоты, от чистых, древних нравов! -
Вы погнались за призраками счастья,
А счастье от вас ушло прямое!
Одна любовь златит все звенья жизни,
Одно добро низводит в душу мир:
Душа кристалл, – как в зеркале заветном,
В ней отражаются все тайны неба,
Все радости неведомыя здесь!...

Как хочется все высказать... Но люди,
Как в летний день станицы насекомых,
Кружатся, зыблются, шумят и жалят
Друг друга. Шум от их судебных прений,
От вечных свар и вечных столкновений,
Вдруг заглушил порядок светлых дум,
И, цепкими когтями нас схватя,
Сей буйный мир, и наглый и могучий,
Влечет с собой в водоворот кипучий...

О, страшное я вижу в мире том:
Лукавство там, соединяся с силой,
Ворочают огромные колеса:
Все движется по личному расчету;
И маятник живой машины этой –
Холодный ум. Порой он также светит,

Но свет его без теплоты и жизни...
Явись туда с порывом жаркой дружбы,
С любовью и с сердцем на устах —
Тебя сочтут глупцем, ребенком.
Люди! Куда девали вы бывшее сердце,
Открытое, летевшее к устам —
И жаркое в разделе благ и горя?
Как ангелы любили сердце то!
Как небеса в том сердце отражались!
Какой росой в него ложилась жалость!
Какой эдем любовь в него сводила!
Какое было между всеми братство
По радостям и по печалям жизни!..
И весело тогда нам было жить!
Роскошный пир давал богач радушный,
И бед наго за бедность не корил.
И клеветник не раздувал раздора,
И менее бывало пересуд:
Не брызгали, в речах, кипящей желчью,
Взволнованной набегом бурным гнева,
Иль завистью ползущею подспудно. —

«Но было ли когда такое время?»
Холодный век с улыбкой говорит. —

Спроси о том, в спокойный час, у сердца,
Спроси о том семейная преданья;
Припомни жизнь у светлаго бивака,
И ратный быт и сечи боевые,
Когда беда теснила нас друг к другу,
И смерть везде, являясь привиденьем,
Втесняла нас извне в самих себя. —
Как жили мы тогда в одной минуте!
Как были мы полны собою сами!
И как тепло, и под холодной сталью
Нагрудника, в груди у нас бывало!
Какой запас огромный жаркой Веры,
Какой запас высоких чувствований
Стесняли мы в простом, веселом сердце!!
Но мы вошли в наш быт обыкновенный,
Колесами в живой машине стали,
И нас вертит обычай самовластно:
Нас внешний мир в холодный край умчал,
И холодом своих приличий обдал,
И закружил безумной суетою...
О, друг! с былой разставшись теплотою,
Всяк говорит: «Я что-то потерял!»...

Прибежище

И от забот и от сует
В Тебя, мой тихий, кроткий свет,
Душа приходит погружаться...
Так путник в знойный, летний день,
Стремится к хрусталям текучим,
Или под склоном древ зыбучим
В отрадную ложится тень.
В отчизне злата и лазури
Упившись сладкой тишиной,
Моя душа смелей на бури,
Смелей на тяжкий с жизнью бой.

Когда б и но

Когда имел я чистоту,
Огнем любви бы согревался,
Я чаще, чаще б поднимался
Без крыл на высоту!

Но на путинах жизни сей
Нас все чернит, нас все марает,
И крылья сердца опалает
Огонь земных страстей!..

Манят нас ложные лучи,
Кружит, уносит вихорь бурный,
И сердце – мотылек лазурный –
Все – жертва для свечи!

Упрек

Гласит Он, ищет и взывает,
А вы не слышите Его!
Он крепь вселенной потрясает,
А вы не видите сего!
Уже разтреснулся и тает
Ваш старый вековечный быт,
К вам время новое слетает:
Отец вам новое сулит.
Но на зазыв Его святыни
Нет отзыва в сердцах у вас!
Страшит поход вас чрез пустыни!..
Вы слышали и Отчий глас,
И над Святым Синаем грозы;
Уж близко вам алеют розы,
Иная будущность, в лучах,
Манит, как лик родной светлея;

Но вам... вам любо жить в грехах:
Чревопотешникам милее
Чеснок в египетских котлах!!

Молитва

Господи, Боже! помилуй людей!
Господи Отче! помилуй детей,
Прости невольных их прегрешенья!

Уже скрипит
Наш утлый быт!
Везде разлит,
Везде кипит
Огонь великий очищенья.

Все грустны, все страждут;
Повсюду беды;
Чего-то все жаждут,
Какой-то воды.
Все в думах, — все ищут
И все не найдут.
А бури все свищут,
А тучи бегут.
Все войны, да войны;
Мир полон тревог,
Знать мы недостойны,
Знать кинул нас Бог.

Тут горе... Там горе,
Пожары, мятеж,
И реки и море,
Забыв свой рубеж,
Несутся в долины.

Когда ж, исполины!
В гордыне своей,
Вы, жертвы тревоги
И буйных страстей,
Вы скажете: «Боже,
Помилуй людей» —
И — «Господи Отче!
Помилуй детей»?!

Из пророка Исаии

«Не обличайте нас в пороках!
Не говорите о грехах!
Не вспоминайте нам о сроках,

О близких, близких грозных днях».
Так говорят изнежась люди. —
«Ласкайте нас, хвалите нас,
Вливайте роскошь в наши груди, —
Тогда послушаем мы вас».
Но Бог гласит, велит иное,
Он говорит: «Смелей, пророк!
Сжигай в сынах земли — земное,
Давай о небе им урок!»
Они сказали: «Мы постились,
Мы простирались в прах главой,
Мы, изнуренные, сравнились
С засохшей на степи травой:
Зачем же нас не слышишь, Боже? »
И говорит в ответ им Бог:
«Со мной идет Израиль в торг:
Забыл, что Мне всего дороже?
Напомню Я тебе: — внимай!
Мне правды, правды только надо:
Уста вдовиц не зажимай,
И, потаенною наградой,
Не порти совести судьи!
Тогда неси грехи свои!
Я их единым дуновеньем,
Как пыль ничтожную, смету...
Зачем ты рвешься в суету?
Зачем лукавишь и, коварный,
На брата злишься, как змия?
Мне мерзок род неблагодарный,
И ненавижу злобных Я!» —
«Но мы терзали наше тело:
От муки всяк из нас иссох!..» —
«О льстивый род! — им скажет Бог. -
Любовь Мне докажите делом:
Я требую от вас души!
Не с дымной, кровяною жертвой,
Не с песнью, без любви, мертвой
С живой душой ко Мне спешите!»

Из пророка Исаии К людям

Как бедно ваше все бывалое,
Ваш блеск и шум,
И ваше счастье обветшалое,
И бури дум.

Облитым морем слез и кровию,
Вам все в укор,

И, раззнакомленных с любовью,
Весь век ваш — спор.

Но Бог ведет вам время новое...
Своей рукой
Отнимет сердце Он суровое
С его тоской.

И сердце детское, спокойное
Дарует Он,
И все мятежное, нестройное
Пройдет как сон.

Псалом 30

Нам крепкий город — есть наш Бог!
Он нас обвел стеной высокой.
Во дни сомнений и тревог,
Тоской проникнутый глубокой,
Когда от бед я изнемог,
Я говорил: «Будь мне твердыней —
И крепким городом мне будь,
Чтоб, жизни сей идя пустыней,
В Тебе с Тобой мне отдохнуть!
Враги, собираясь, с воплем диким,
Остряют ножи, плетут мне сеть,
Но с Именем Твоим великим
Мне ль их, врагов моих, робеть?!»
Разслабленный, подобно тени,
Скитался я и дряхл и хил,
И подо мной тряслись колени, —
Но Ты пришел и исцелил!..
Как жертвенный сосуд разбитый,
Валялся в темном я угле,
Людьми осмеянный, забытый,
Не нужный на Твоей земле.
И вот душа моя шептала,
Когда я гаснул в забвении:
«Я долго, Господи! страдала,
Яви мне милости Твои!»
И Ты услышал... О! как много
Ты тайных милостей сберег!
И всех, людьми казнимых строго,
Таинственно уводит Бог
В Свою великую ограду;
Там, пред очами их врагов,
Им тайную дает усладу
Его хранящая любовь;
Там, пред л идем Твоим, во свете,
Живут изъятые Тобой,

Как в царском золотом намете,
Как в влаге неба голубой;
А их враги, киша змеями,
Друг друга жалят и язвят,
Вопя: он был уж пойман нами,
Куда ж от нас гонимый взят?! —
О, будьте ж мужественны, братья,
Когда кипит досадой враг:
У Бога есть любви объятья, —
У Бога много тайных благ!

Псалом 67 Да воскреснет Бог...

Возстань, Господь! простри шаги
По безпредельности лазури;
И побегут Твои враги,
Как сор и прах от зельной бури,
И улетят, как черный дым, —
И, пред лицом Твоим святым,
Как воск растают!! — А правдивых
Забьются радостней сердца,
И сонмы, в пениях игривых,
Помчатся в сретенье Отца...
Звучи ж тимпан! Играйте Богу!
Восток! Восток низходит к нам:
Стелите гладкую дорогу
Он ваших душ к Его стопам!..
Грядет, с защитой вдовице,
Отец сирот и нищеты!
Весы горят в Его деснице,
Под Ним склонились высоты!..
Когда Ты шел путем пустыни,
Трещали горы и леса
От грома и огня Святыни,
И растопились небеса! —
Но кроткой, Отческой рукою,
Ведешь Ты страждущих к покою,
И Сам находишь нищим хлеб!..
Пусть страсти пылкия бунтуют
И вой грозные воют;
А ты, без жажды до потреб,
Душа, таясь в тиши смиренья,
Пожнешь их сев, возмешь именья. —
Тебя видали, горний Царь!
Как проходил Ты над Вассаном:
Пылал под жертвою алтарь,
И звон гуслей слился с тимпаном.
Шло много тысящ колесниц,
И много ангелов... И князи...

И, в блеске радостном зарниц,
Неслись цветов бессмертных вязи:
И там Твоя Святыня шла! —
Ты не попомнил людям зла;
И Сам, с великими дарами,
Ты надходил, чтоб над холмами
И по долинам пленных брать.
И вот, мы зрим, как непокорных,
Могучих сердцем и упорных
Влечет святая благодать. —
И Ты вещал: «Я не оставлю
Нигде и никогда Своих:
Из бездн их вырву и поставлю,
С любовью, на холмах цветных!..»
Несомый херувимов ратью,
Ты облетел Свои миры,
Отдал — звездам Твои дары,
И нас ущедрил благодатью...
Благословен же дивный Бог!
Благословен из века в веки!
И ангелы и человеки,
Закрыв от блеска молний лик,
Воскликнули: «Велик! Велик!»

Подражание Псалму 92

Господь на царство в небе стал,
Облекшись пышной лепотою,
И силы Он препоясал,
И мощною Своей рукою
Повел вселенную Свою,
Как рыбарь легкую ладью...
Кипят пучины, шумны реки
Бегут, кидаются в моря:
Так времена времен и веки
Пред троном Вечнаго Царя...
Один Твой дом неколебимый,
Как безконечность, не прейдет,
Один лишь Твой незаходимый
В веках не отсияет свет.

Благодарение

Псалом

Великий Бог! чудесный Бог!
Один лишь Ты, один лишь
Ты В моей тоске, в шуму тревог,
В чаду мечты и суеты,

Меня стерег, меня берег:
Великий Бог! чудесный Бог
Тобой живу, пою, пою
Твои дела, любовь Твою.
Среди врагов, среди тревог,
Я все хранил, я все берег
К Тебе любовь, как только мог,
Великий Бог, чудесный Бог!
Кипи вражда! пируй беда!
Пускай везде, пускай всегда
Блюдут, следят мои шаги
Мои бессонные враги,
Пускай растет их буйный рог:
Меня спасет в толпе врагов
Твоя любовь и Твой покров,
Великий Бог! чудесный Бог!

Воззрение Бога

*Безумец сказал в сердце своем: «нет Бога!»
Бог с небес воззрел на сынов человеческих,
чтобы видеть.*

Нет Бога! — говорит безумный! —
Немы и глухи небеса!
Пустыя сказки — чудеса!
Мне мил сей мир в забавах шумный.
Скучна мне жизни теснота!
В душе несносна пустота!
Пойдем! страстям развяжем волю,
Не будь отказу нам ни в чем!
Мы сами силой и умом
Свою себе устроим долю...
Наш век есть скоролетный день:
Пожнем молву и знаменитость,
Напьемся шумной жизни в сытость,
Пока мелькнет заката тень!»
Сказал — ему без гнева внемлют!
Гниет безверием земля,
Увитые змиями дремлют,
И всяк свое лелеет — я! —
А Бог приник; а Бог незримо
С небес на круг земной глядит,
Как суетой неудержимой
Наземный мир Его кипит!..
Проснитесь, братья-человеки!
Уже лице Его на вас!
Прошли грехов растленны веки,
И новый век грядет для нас...
Ликуйте, радуйтесь, Он с нами!
Откройте праздные сердца,
Да благодатными волнами

Польются милости Отца!..
Но вы оглохли для воззвания!
Ослепли вы для простоты,
Осутили вас желанья,
И блеск, и пышная мечта!
«Нет Бога!» – говорит безумный,
И всякий ветрено летит
На праздник беззаконья шумный,
А Бог на вас глядит... глядит!!!

Песнь Давида

1

Еще заря не загоралась,
А я уж с гуслиями стоял;
Душа к молитве порывалась,
И дух мой верою пылал.

2

В словах и воплях благодарных
Кипела песнь в моих устах,
За то, что всех моих коварных
Врагов мой Бог низвергнул в прах.

3

Давно ль душа моя, внезапно,
Попала в стадо диких львов,
И каждый заносил уж лапу
На жертву острых их зубов!..

4

И злоба их дышала зноем
Над зябнущей душой моей:
«Ему, – вопили, – яму роем!»
И что ж? – Увязли сами в ней!!.

5

Так взвейся же до горних сводов,
Песнь благодарная певца,
И внукам возвести народов,
Как нас хранит любовь Творца:

6

Он откликается страданию,
И угнетенного судьбой
Покрыв отеческою дланью,
Страдальцу шепчет: «Я с тобой!»..

7

Не гнись же человек несчастной
Перед несчастьем земным,
Когда, под дланию всевластной,
Всевластным Богом ты храним!!.

Беседа Иисуса с учениками и с Небом

Евангелие от Иоанна 12:23

«Назнаменованный от века,
Уже приспел заветный час,
Чтоб Сын, смирясь до человека,
Вознесся славою меж вас!
Аминь, аминь, Я вам глаголю,
Когда пшеничное зерно
Лежит без тления одно,
Иль брошено ветрам на волю,
Оно не принесет плода...
Но — в землю падшее — когда
Умрет, — истлев в пыли негодной, —
Возстанет жатвой многоплодной.
Кто любит душу — потеряй
Ее в борьбе с развратом мира:
За то, в безбрежности эфира
Ей уготовлен вечный рай.
Кто служит Мне — иди за Мною!
Где господин — там и слуга!
Но что? Смутился Я душою;
И Мне судьба моя строга.
Спаси Меня! избавь, Мой Отче!
От часа грозного сего...
Но Я и послан для него...
И так, Меня до века Родший!
(Седяй на силах, в тишине)
Славь имя здесь Свое, святое,
Как Ты явил Себя во Мне!»
Он рек, — и се, на вышине,
(Где сходит солнце золотое,
В долинах радостных для нас)
Родится звук святого слова
Из уст, невидимых для глаз:

«Православия и прославлю снова!»
И слышащим сей чудный глас,
Звонящий по лазурным сводам,
Тогда казалось народам,
Что, в высотах, раздался гром;
Или, оставя горний дом,
К Нему незримо, в бурю мира,
Слетал посол из-за эфира.

Златоуст

Великий муж, святыни храм живой,
Во храме Божиим, возвысив голос свой,
Вещал о гибели Адамова паденья,
О сиротстве земном святой любви детей;
О море жития, о пагубе сетей,
И наконец, о тайне искупленья...
Он открывал, как бранный человек,
Во внутреннейшее вместив живое слово
И, просветленный им, облекшись в образ новый,
Младенчеством вродится в новый век...
Как он, крещение прияв огнем и Духом,
Благую Весть услышит чистым слухом;
И узрят Божий незримы чудеса
Слепорожденного простыл очеса...
Он говорил о той судьбе высокой,
Которая ведет строение миров,
И как, с жалением, на вас вперяет Око
Всезрящая, но нам незримая — Любовь...
Он говорил, как обуявшей соли
Потребно навлещи неискаженный дух;
Как выродиться нам должно из древней воли...
Он говорил — и был окован слух!
Святыя молнии в златы устах горели:
Сердца в таинственном благоговеньи млели...
Но люди бедные, в беззлобной простоте,
Рожденные в земной врожденной слепоте,
Высоких слов его не разумели...
И, плача, некая жена
Рекла: «О Златоуст! твои слова прекрасны!
Вещать ты можешь небесам
И ангелам святым... Но, ах! они напрасны,
Твои слова, простым и неученым нам!
Таинственность темна... Ея страшна дорога:
Будь благ и покажи ты нам яснее Бога!
Чтоб нелукавыя и детские сердца
Могли смелей лететь к святой любви Отца!
Не поражай ты вдруг очей, привыкших к ночи:
Святитель! говори с детьми своими проще!
Чтоб я твои слова, постигнув их сама,

Могла, как дар, снести к знакомым на дома,
И ими воскормить детей моих, как пищей...»
И – дивный муж, по духу нищий,
Который по любви о таинствах учил,
Постигнув истину смирением – смирился -
И Богу дух, главу народу преклонил –
И разум слов его с тех пор переменился:
Он мудрость сладостью и светом растворил,
И сладостно ему внимали человеки,
И сладость слов его течет и в наши веки...

Дума

Облетел я воздух,
Окатился морем,
Осушился зноем
Над огнем вулканов;
Прокопал до сердца
Глубины земные.
Что ж нашел я в безднах?
Что застал в пучинах?
Что в огнях кипучих?
В толщах подземных?
Все одно и то же,
То же проявление
Истины великой:
«Все от Бога, – Божье!»
Все колеса движет,
Все пружины ладит,
Всюду Сам хозяин –
Всемогущий Бог!

Есть язык у ветра,
Голос у морей;
Жжет огонь словами,
Не молчит земля!..
Говорил я с ветром,
С морем говорил,
И разгарный понял
Разговор огней,
И прочел все буквы
В букварях земли! Что ж?
О чем тот громкий
Говор у стихий? –
Там у них промчался
Чей-то тайный глас,
Будто уж подкрался
Их последний час;
Будто скоро море
Выхлынет из нор,

И, в стихийном споре,
Слижут цепи гор
Огненны разливы,
И моря – гневливы –
Вспухнув, побегут,
И наш быт, как нивы,
Без серпа пожнут!
И, заслышав суд,
Вдруг все разходилось,
(Всяк пред горем зол):
Воздух стал изменчив,
Море как котел!
Под землю стонет,
На земле шумит!
Но один беспечный
Ходит по земле,
Господином гордым,
Гордый человек!!
Города сгорают;
Море сушу топит;
Буря бурю гонит,
И под нами что-то
Роется в тиши... –
Но он глух для гласов,
Для явлений слеп;
Не внимает сердцу,
В небо не гядит!
Все копит да мерит,
Жадный и скупой,
Ничему не верит
Самодур слепой!
Он рукою машет,
Слыша о судьбах,
И поет и пляшет
На своих гробах...

Воззвание души

Ах, не входи со мною в суд,
И не смотри мне в душу, Боже!
Твой светлый взор меня тревожит,
Твои огни меня сожгут!..
Кто, смертный, чист перед Тобою?.,
Но я уже поник главою,
Как цвет весенний без дождя...
Стеснилась грудь, ослабли руки,
И несмягчаемая мука,
Мне скорбью душу утрудя,
Меня, быть может, одолеют!
В тоске мои все кости млеют!..

Где ж Ты, мой Вышний, помоги!..

Глухая ночь... Везде засады...
Полны и смеха и досады
Мои презорные враги...
Но мне Твой дивный перст укажет
Стезю меж пагубных сетей,
И тайный голос сердцу скажет:
«Не изнывай, не сиротей!
Уж близок, близок Он незримый!..»
Какой восторг непостижимый,
Как аромат густой цветов,
Меня проник прохладой сладкой:
Я побежден Тобой – Любовь! –

Зачем же робко и украдкой
Идет толпа моих врагов? –
Сюда... Ко мне... В мои объятья!
Я вас в душе благословил:
Враги! обнимемся как братья,
Я вашу злобу позабыл.

Покаяние и воззрение

*Вижу пред собою Господа...
Псалом 15*

Я вижу Бога пред собою,
И каюсь в своих грехах;
«Владей, владей моей судьбою!» –
Я Богу говорю в слезах. Что я? –
Неопытный младенец,
Играю жизнью, как ножом;
Какой-то я переселенец,
И здесь живу в краю чужом.
Как незнакомы мне, как чужды
Условья жизни сей людской!
То жалом змей пронзают нужды,
То жмет железною рукой
Убожество меня порою. –
Взвился высокою горою
Сей странный человеков быт:
Толпы взбираются на кручи;
Но верх горы одели тучи,
А по стезям нога скользит.
Что ж там скрывают эти тучи
Под черною своей поллой?..
И те леса, кругом дремучи?..
Зверей и бурь в них слышен вой...
Но есть минуты... Вдруг заблещет
Далеко где-то... Спаса лик,
И сердце ярко затрепещет...

И край, кругом, не так уж дик,
И я смелей спешу на кручу:
Мне так тепло, мне так светло!
Прорезало густую тучу —
Златое ангела крыло;
Пахнуло сладким ароматом,
И небо окатилось златом
И облилось румянцем роз.
Душа растаяла в молитве,
И очи сыплют бисер слез:
Я вижу — не один я в битве —
Кругом архангелы стоят —
Столпы небес, небес герои —
И златокрылых воинств рои
Над человеками кипят;
И шлют своих на битву бездны,
И, полный силы и отваг,
Он высится как столп железный
Над бездною, наш древний враг.
О! сколько копий изломалось
Об это грозное чело,
И сколько раз вотще касалось
Его архангелов крыло!
Завешенный своим покровом,
Изтканым из густых ночей,
Стоит, в молчании суровом,
Не смея вверх поднять очей;
Но к нам такие мещет взоры,
И так он смотрит на земных,
Что вековья наши горы
Трясутся на осях своих.
И смерть, как козлище играя,
С своей губительной косой,
Убийцу жизни потешая,
Холмит могилы полосой...
О, как тут гибнут жизнь и младость,
И сколько класов и цветов! —
В тревоге цепенеет радость,
В слезах и в трауре любовь!..
Но что погибельней — раздоры,
Улыбкой подсластив уста,
Вошли в народные соборы,
И сели в первыя места.
Опрыскав ризы спиртом лести,
Чтоб скрыть сердец их смрад гнилой,
Под ложным знаменем пользы и чести,
Вошли с кинжалом под полой! —
Вошли — и бури за клубились,
Возстали распри и борьба,
И древние переменились
Порядки, счастье и судьба.

Кипят, волнуют поколения,
И, землю обложив сетьюми,
Вдувая в души хлад сомненья,
Отцев разсорили с детьми,
И пастырей срамят пред стадом.
Одним и тем же пронят ядом
И тощий Запад и Восток,
И высоко, кичась, всплывает
На мятежах земных пороки!
Чего ж еще он ожидает,
Сей суемудрый, дерзкий род,
Каких мечей? Каких невзгод? —
Довольно! башню Вавилона
Не возвести до облаков!
Щадит борцов против закона
Долготерпящая любовь;
Но уж смешались языки —
Там сечи, тут огни и клики,
И мир пошел путем иным.
«Что ж будет?» — жадно мы твердим;
Но будущность и дни кончины,
Пред нами завесой густым
Задержала рука судьбины...

Когда же?

Когда ж суды Твои свершатся,
Когда возстанет человек?
Все в ту ж погибель люди мчатся,
Все также их мятежен век!
Все тот же глад греха и злата,
Все тем же недугом разврата
Сыны нечестия больны:
У всех сердца раздражены.
Уже давно минуют сроки.
Но где она — Твоя гроза?
Кипят наземные пороки,
И пристыженные пророки
Стоят потупя вниз глаза:
Не Ты ль вещал им о грядущем;
Не Твой ли горний, дивный свет
Светил им, в восхищеньи сущим? —
И в тайном свитке дальних лет
Не Ты ль показывал години
Твоих судов и тяжких кар,
И обновления картины?
Но огнедышащий удар
Зажат в святой Твоей деснице.
Ты древле погрозил столице,
Кипевшей от своих грехов,

И тысячи Твоих полков
Стеклись с орудиями казни:
Как шар с небес катился срок,
И громко вопиял пророк...
Но хлад спасительной боязни
Проник в их гордые сердца:
Сыны Ниневии смирились,
И в Судие нашли Отца...
Ты любишь подавать уроки:
Грозой и лаской убеждать,
Отсрочивать летящи сроки...
Ты любишь море волновать,
Трясти на крепких стержнях горы,
И звонким голосом стихий
Высказывать Свои укоры.
Когда же, Господи Благий!
Поймем Твои мы приказанья,
И, от вседневнаго шатанья,
Между соблазном и грехом,
Мы, с твердостью, на обе ноги,
Покинув прежния дороги,
Надежно станем и пойдём?..